

УДК 72.036 + 72.04.01 + 7.045 + 141.333

Т. Ю. Быстрова

**ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
АРХИТЕКТУРЫ ГЁТЕАНУМА РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА***

В статье анализируются философско-мировоззренческие и социокультурные аспекты архитектурного формообразования знаменитого и малоизученного в отечественной науке Гётеанума (Дорнах, Швейцария) Р. Штайнера. Прослеживается взаимосвязь миросозерцания и эстетики И. В. Гёте и Р. Штайнера. Интерпретируется тезис Р. Штайнера о Гётеануме как здании, в котором «нет ни одного символа», и вводится понятие «буквальности» архитектуры. Делается вывод о глубокой связи штайнеровской архитектуры с традицией синтеза чувственного и духовного, восходящей к И. В. Гёте.

Ключевые слова: модерн; антропософия; Р. Штайнер; И. В. Гёте; аристотелизм; чувственное; духовное; формообразование в архитектуре.

Форма стимулирует мысль.

Р. Штайнер [19, 100]¹

Концептуальные поиски современных архитекторов все чаще приводят их к органическому формообразованию, соответствующему системе ценностей культуры, приоритетами которой выступают экология, здоровый образ жизни. Поиску фрактальных, биоморфных решений способствует и то, что архитектура XXI в. медленно, но верно уходит от признания исключительности модернистской доктрины. 15–20 лет назад имиджевые здания крупных городов отличались, к примеру, высотой или нетривиальностью художественного языка, тогда как сегодня им важно сказать о человеко-ориентированности, здоровье, даже — если вспомнить Р. Флориду — счастье.

Современным поискам предшествует длительная традиция органического формообразования, начиная с античности, в особенности с аристотелевских идей целесообразности динамичной формы. При этом опыт органической архитектуры XX в. в российской науке изучен недостаточно. Парадокс органических форм состоит в том, что неинформированному зрителю, привыкшему восхищаться либо каноном, либо технологиями, эти здания могут показаться наивными, комичными, просто неуместными. Сложнейший текст органических форм отсылает не просто к различным эпохам и стилям, но прежде всего к их

* Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006; работа выполнена по плану ФНИ на 2019 г. при поддержке РААСН и Минстроя России в соответствии с государственной программой Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг., Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

¹ Перевод этой и всех последующих цитат выполнен автором статьи.

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета, профессор Екатеринбургской академии современного искусства (e-mail: Taby27@yandex.ru).

© Быстрова Т. Ю., 2019

философско-мировоззренческим идеям, которые невозможно преподнести упрощенно или буквально. На одном из первых мест по неоднозначности восприятия находятся объекты австрийского философа, педагога, зодчего Рудольфа Штайнера (1861–1925), архитектурные открытия которого, в том числе по идеологическим причинам, умалчивались в отечественных источниках до 1990-х гг. как архитекторами и искусствоведами, так и философами. Впрочем, погружение в смысловые глубины его объектов, вызвавших к жизни целый ряд новых культурных феноменов, от вальдорфской педагогики до принципиально новой эстетики, развитой позже такими архитекторами, как Т. Альбертс (Голландия), И. Маковец (Венгрия), Ф. Хундертвассер (Австрия), Г. Берджесс (Австралия) и др., может происходить на междисциплинарных основаниях (подобнее см.: [1]).

Отсюда задачей данной статьи является анализ архитектурных идеи и форм Р. Штайнера, прежде всего двух последовательно созданных программных зданий Гётеанума в Дорнахе (Швейцария), в широком культурном контексте. Это дает возможность увидеть культурные и идейные предпосылки штайнеровской версии органической архитектуры и вслед за J. Kettle [13] поставить вопрос о ее развитии в ближайшем будущем.

Методология работы

Отталкиваясь от текстов Р. Штайнера [5, 17, 18] и И. В. Гёте [2], под чьим сильным влиянием он находился именно в архитектурном «секторе» своей разнообразной деятельности, можно выделить основные творческие установки в отношении архитектуры. Следует учитывать, что архитектурная общественность часто выказывает «равнодушие или антипатию» [10], что подтверждает и личный опыт автора статьи. Есть объяснение подобной реакции. Так, немецкий историк архитектуры В. Пент отмечает: «Творения Штайнера вызывают недоумение, поскольку они находятся в виртуальной изоляции... Они едва ли обнаруживают какие-либо узнаваемые корни и не устанавливают никаких традиций, кроме как внутри самого антропософского движения» [13, IX].

Из всего корпуса текстов о штайнеровской архитектуре, и в частности Гётеануме, выбраны те, где прослеживается взаимосвязь философско-мировоззренческих идей Р. Штайнера с конкретными формальными решениями его зданий [3, 7, 11] либо эстетика этих зданий объясняется с отсылкой к теоретическим работам Р. Штайнера [9, 14, 15]. Поскольку Гётеанум задуман как пространство, активизирующее мысль человека, мы не можем не обратиться к работам педагогов и антропологов [8, 19].

Выбранная позиция дает возможность оставить в стороне дискуссии о стилиевой принадлежности архитектуры Р. Штайнера, ибо обозначения «экспрессионизм» или «функциональный органицизм», на наш взгляд, не нужны при оценке ее самобытности и исторической уникальности, а требуются в основном для последующих классификаций. То же касается и собственно антропософских взглядов — мы не ставим задачу их критического анализа, а принимаем эти взгляды за предпосылку и даже часть архитектурного процесса.

Основная часть

Начнем с краткой справки о здании, содержащем в себе квинтэссенцию антропософии Р. Штайнера. Гётеанум был задуман как воплощение модели мира, частью которого является человек и его дух, как место, где «человек начинает мыслить» и где совершаются «откровения вечного» [16] — в противовес гётевской идее «прафеномена», открывающего богатство потенциалов прошлого. Одновременно здание имело вполне утилитарный характер и создавалось для организационно-просветительской работы и творческих, в том числе театрализованных, проектов антропософского движения 1910-х гг. Оно сопровождалось целым комплексом других, менее масштабных объектов.

Первый Гётеанум строился из дерева и бетона. В работах по его отделке, несмотря на идущую мировую войну, участвовали М. Волошин, А. Белый. Здание было уничтожено в результате поджога в новогоднюю ночь 1923 г. В том же 1923 г., за два года до смерти, Р. Штайнер приступил к проекту второго, теперь уже полностью бетонного, здания (см. рисунок). Он создал пластилиновый макет, по которому после его смерти продолжалось строительство. В дальнейшей работе мы обращаем внимание на единство подхода и целей в большей мере, чем на различия, существующие между первой и второй версиями и изученные другими авторами [1, 10, 15]. Попутно заметим, что исследователи Р. Штайнера отводят органицизму Дорнаха ведущую роль по сравнению с формами других архитекторов, мотивируя это безупречной последовательностью воплощения глубоких и масштабных концептуальных идей [8, 14], с чем нельзя не согласиться.

Здание второго Гётеанума. Архитектор Р. Штайнер. 1923. Дорнах, Швейцария
Источник: <https://www.baselferien.ch/sehenswert/goetheanum-dornach/>

«Буквальность» архитектуры Р. Штайнера

Прежде всего, при анализе Гётеанума и ряда окружающих его зданий в Дорнахе удивляет близость штайнеровского понимания устройства человека и мира и материального воплощения этих идей. В результате возникали абсолютно функциональные пространства, лишённые иллюстративности. Будучи очень юным, Р. Штайнер пишет в предисловии к изданию И. В. Гёте несколько фраз об эстетике, которые полностью воплотятся в его собственных творениях: «...Все немецкие философы в течение последних ста лет изо всех сил пытались найти наиболее подходящую научную форму для особого способа, которым в произведении искусства дух и объект, идея и реальность сливаются друг с другом. Задача эстетики — не что иное, как понять природу этого взаимопроникновения...» [17]. Чудо в том, что это понимание происходит у Штайнера в процессе создания предметных форм, а не их вербального сопровождения.

Не секрет, что в разные периоды архитектура довольно часто бывает декларативна: архитектор или культура в целом предлагают зрителю некий вокабуляр, с которым предварительно нужно быть знакомым; определенные его формы статусны, признаны достойными в конструктивном или эстетическом отношении, другие не допускаются как невозможные или бессмысленные. Более того, сегодня есть авторитетное мнение о том, что актуальна и перспективна именно метафоричная архитектура [12]. Однако Р. Штайнер подчеркивает принципиальную «буквальность» форм здания: «Некоторые посетители Гётеанума говорят, что они обнаружили в нем ту или иную аллегория или символ, но это, в сущности, не соответствует действительности. Во всем здании в Дорнахе нет ни единого символа» [1, 15]. Далее он признается, что здание является попыткой «постижения творческого принципа природы».

Позиция Р. Штайнера продолжает длительную традицию «следования природе», восходящую в европейской архитектуре и искусстве к философии Аристотеля. В пространстве, где человек мыслится как микрокосм, — в макрокосме развитие архитектурной формы понимается как последовательное движение «чувственной души» (*Empfindungsseele*) к «понимающей душе» (*Verstandesseele*) и далее — к «душе-сознанию» (*Bewusstseinsseele*). Самым адекватным словом для характеристики процесса создания архитектурной формы здесь, пожалуй, будет «воплощение». Соответственно, применительно к самой архитектуре можно употребить термин «**буквальность**», позволяющий акцентировать отличие штайнеровского подхода от отражательной и феноменологической концепций формы.

Штайнер постулирует отказ от миметичности архитектуры, не отказываясь от идеи зодчества, следующего общемировым законам: «Стилистические формы Гётеанума не следует понимать как натуралистические имитации какой-то внешней живой или неживой формы» [15]. Эта идея с наибольшей отчетливостью проговаривается сегодня К. Александром и его последователями, к ней приходит в последнее десятилетие все больше известных, даже «звездных» архитекторов, например Н. Гримшоу, С. Калатрава. Их подходы скорее параллельны находкам Р. Штайнера, чем напрямую вырастают из них. В частности, сегодня не озвучивается тезис

об одухотворении архитектурной формы осваивающим ее человеком, который есть в антропософской версии. Тем не менее общность устремлений налицо.

Архитектура не есть вариант «перевода», как это трактует, к примеру, автор самой объемной и серьезной работы по данной теме Ф. Грей [11]. Согласно Р. Штайнеру, здание не нуждается в тексте или слове, поскольку, будучи созданным с максимальным учетом устройства человека, переживается посетителем, резонируя с ним, приводя его в гармонию, развивая его, уча мыслить. Здание раскрывается человеком и для человека, одновременно приближая его к себе самому и к фундаментальным основам мироустройства [15]. Например, необычная двухкупольная композиция первого Гётеанума задумывалась в связи с идеей создания пространства, которое передает движение, — тогда как объем с одним куполом статичен. (Это повторяет мысль В. В. Кандинского об устойчивости круга и динамике овала как фигуры, вбирающей в себя две окружности.)

Можно выделить несколько путей реализации этого принципа в Гётеануме.

- Стремление достичь взаимосвязи всех элементов, отсутствие единичного и случайного в архитектурном объекте. Из предшественников Р. Штайнера этому моменту уделял повышенное внимание Готтфрид Земпер (1803–1879), развивавший, правда, исторический подход. У Штайнера, по выражению исследовательницы его творчества К. ван Эк, «ничто не существует само по себе», поскольку исходной матрицей проекта является тело человека: «Когда мы проецируем организацию человеческого тела в пространство за его пределами, мы получаем архитектуру» [13, 34].

- Учет при проектировании ощущений и состояний человека, интуитивно постигающего структуру объекта. Этот акт развивает, приближает к мудрости. «Книгой» является мир, «книгой» может стать архитектура. В дальнейшем «...то, что видит человек, что выливается в его среду, становится в нем силой. В соответствии с этим он формирует себя» [9]. От развития умственных способностей зависит духовное знание, способность активизировать разум сближает архитектуру с педагогикой, о чем сегодня свидетельствует практика вальдорфских школ, число которых в мире возрастает.

- Точное понимание воздействия каждого элемента архитектуры и «буквальность» позволяют, притом не только Р. Штайнеру, но и другим представителям органицизма, выйти за пределы языка исторических стилей. Важна экзистенция, а не семантика, что обеспечивают новые формы, новые конфигурации. Их внутреннее родство, просчитанное математически либо выведенное философски, не предусматривает сходства внешних черт.

«Синтетические» социокультурные предпосылки архитектуры Гётеанума

В силу относительной неизвестности архитектуры Р. Штайнера даже в профессиональных кругах необходимо было сначала дать о ней хотя бы первое представление. Только после этого возможно определение социокультурных предпосылок штайнеровского проектирования. Текстов культурологов, производящих

такого рода работу, найти не удалось; поэтому ниже представлен лишь набросок будущей более развернутой классификации, уникальное взаимодействие каждой «ветви» которой сложилось в Германии к началу 1910-х гг., но было прервано Первой мировой войной и почти полностью уничтожено нацизмом. Отметим, что почти тот же комплекс предпосылок породил к жизни школу Bauhaus, новую педагогику и психологию, концепцию культур-организмов О. Шпенглера, «философию надежды» Э. Блоха, немецкий экспрессионизм в живописи и ряд других значимых культурных явлений, чья ценность как бы заслонена драматическими политическими событиями.

Многие идеи и процессы, предшествующие Р. Штайнеру, существовали задолго до его антропософской практики и обрели новое звучание, попав в динамичный социокультурный контекст начала XX в. Не пересказывая их эволюцию полностью, можно отметить черты или оттенки, обладавшие на тот момент наибольшей продуктивностью из-за соседства с другими тенденциями периода или появления чего-то нового (материалы, идеи, институции).

- Идеи органического формообразования как естественного и закономерного для архитектуры длительное время наталкивались на технические, типологические, стилевые ограничения, реализуясь частично (к примеру, в исламском орнаменте) или конструктивно (в готическом соборе), предназначаясь как будто бы исключительно для общественных и храмовых зданий. Бетон стал материалом, давшим жизнь модерну и соответствовавшим запросам Р. Штайнера в отношении архитектурной формы. Прочтение Г. Земпером в середине XIX в. различных элементов архитектуры как целенаправленных и функционально обусловленных [4] довершило отказ от декоративности и метафоричности. Реализация этих идей Л. Г. Салливаном и Ф. Л. Райтом, считавшими, что природные формы эволюционировали сообразно требованиям среды и что ровно так же могут вести себя архитектурные формы, подводила все направление к требованию достижения органичности во всех масштабах, от оконной рамы до композиции небоскреба, усиливающих целостность формы.

На первом этапе своего становления в качестве архитектора, примерно до 1914 г., Р. Штайнер довольствовался так называемым «jelly-mould principle» (буквальный перевод «желе-плесень»). Не доходя до необходимой чистоты формы, он стремился заполнить ее, скрывая от человека то, что ему мешает или негативно влияет [14, 62]. Поэтому первый Гётеанум, может, даже выглядит более эстетичным в привычной нам системе координат. Во втором здании достигнута гораздо большая чистота исходной конструктивной основы. При этом Р. Штайнер является новатором в области использования бетона, обладающим собственной пластикой и тектоникой, а не воспроизводящим деревянные конструкции, как это чаще бывало до него.

Благодаря синергетике в современной архитектуре и дизайне качество, о котором здесь говорится, часто стали обозначать как фрактальность. Осовременивая, К. Кусак напрямую связывает его с антропософским пониманием микрокосма и макрокосма: «Учение Штайнера содержало много примеров “фрактальности”, в которой каждая часть включает компоненты, представляющие собой более мелкие модели целого» [9].

• Мысль о непосредственном воздействии формы на воспринимающего, приводящая к пониманию социальных и психологических возможностей архитектурных и градостроительных форм и далее — к требованию социально ответственного проектирования, звучащему в начале XXI в. «Мы должны не искать символические значения, а понимать движение нашего духа», — пишет Р. Штайнер [15]. Эта позиция чрезвычайно близка не только современному ей учению К. Г. Юнга об архетипах, но и идеям «города-сада» Э. Говарда с последующей их трансформацией в советской архитектуре.

• Идея метаморфоза, выведенная И. В. Гёте, в связи с развитием физики в XX и XXI вв. дополняется у архитекторов представлением о гравитации. Примечательно и то, что роль силы тяготения в архитектурной форме человек может определить на основе повседневного чувственного опыта, который для Р. Штайнера антропософских времен выступает первой и необходимой ступенью развития.

• В трактовке чувственного опыта как источника знаний и начала мышления Р. Штайнер близок философам-прагматикам, прежде всего Д. Дьюи. С Дьюи их косвенно объединяет и трактовка образования как инструмента для жизни, а не получения различной информации

• Выход архитекторов за пределы европоцентристской проектной парадигмы, равно как и знакомство западных архитекторов с восточными учениями и практиками, все более активно происходившее со времен А. Шопенгауэра, приводят к усилению динамизма архитектурных форм, востребованного меняющимся укладом жизни первой половины XX в. Сам факт этого выхода способствует распространению модернизма, не присутствующего в штайнеровских формах, но возможного где-то совсем рядом, стоит только сделать шаг от самораскрытия в сторону решения идеологических задач.

Спустя тридцать лет, в 1967 г., пересматривая свои довольно однозначные положительные оценки модернизма, Н. Певзнер так очерчивал архитектурный процесс XX в.: «История, чье появление я ожидаю, начнется с безапелляционного самовыражения викторианских архитекторов... их сложных планов и проработанных фасадов, назовет первой кульминационной точкой стиль модерн с Гауди в качестве пика кульминации, будет сожалеть о рационализме “моих” пионеров и двигаться напрямую ко второй кульминации — экспрессионизму 1917–1923 гг., т. е. Амстердамской школе и мендельсоновской Башне Эйнштейна, а также Гётеануму Штейнера. ...История современной архитектуры, написанная в этом ключе, содержала бы свою неопровержимую логику, даже если бы у меня были серьезные сомнения по этому поводу» [11, 40]. В этом очерке известного искусствоведа Гётеанум предстает одной из вех процесса, которому не удалось раскрыться до конца.

Выводы

Мы попытались раскрыть наиболее значимые культурные и идейные предпосылки органической архитектуры Р. Штайнера — аристотелевско-гётеанскую традицию понимания органической формы.

Кроме того, краткая характеристика первого и второго зданий Гётеанума позволяет выделить ряд штайнеровских принципов создания архитектуры, таких как «буквальность», метаморфоз, фрактальность и ряд других, которые и сегодня продолжают использоваться архитекторами, дизайнерами, урбанистами и становятся все более актуальными.

1. Архитектура и антропософия / Анна Соколина (сост.). М., 2001. 268 с.
2. *Гёте И. В.* Научные сочинения. Т. 1: Образование и преобразование органических существ (морфология). М., 2014. 696 с.
3. *Горюнов В. С., Поршнев В. П.* «Говорящая архитектура» Рудольфа Штайнера // Архитектура мира: материалы конф. «Проблемы истории архитектуры». М., 1992. С. 139–144.
4. *Землер Г.* Практическая эстетика / пер. В. Г. Калиша. М., 1970. 320 с.
5. *Штайнер Р.* Очерк теории познания гетевского мировоззрения, составленный принимая во внимание Шиллера [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/URIKOVA/STEINER/goether.txt> (дата обращения: 20.06.2019).
6. *Эллард К.* Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М., 2016. 288 с.
7. *Adams D.* Rudolf Steiner's First Goetheanum as an Illustration of Organic Functionalism [Electronic resource] // The Journal of the Society of Architectural Historians. 1992. № 51 (2). P. 182–204. URL: https://www.researchgate.net/publication/272574266_Rudolf_Steiner's_First_Goetheanum_as_an_Illustration_of_Organic_Functionalism (accessed: 18.06.2019).
8. *Bjørnholt M.* Room for Thinking – The Spatial Dimension of Waldorf Education // RoSE. Research on Steiner Education. 2014. Vol. 5, № 1. P. 115–130.
9. *Cusack C.* 'And the Building Becomes Man': Meaning and Aesthetics in Rudolf Steiner's Goetheanum [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/738542/_And_the_Building_Becomes_Man_Meaning_and_Aesthetics_in_Rudolf_Steiner_s_Goetheanum (accessed: 10.06.2019).
10. *Gray F.* Rudolf Steiner: Occult Crank or Architectural Mastermind? // Architectural Theory Review. 2010. № 15 (1). P. 43–60.
11. *Gray F.* Rudolf Steiner's Theories and Their Translation into Architecture: PhD Thesis. Deakin University, 2014. 334 p.
12. *Jencks Ch.* The iconic building is here to stay // City. 2006. Vol. 10, № 1. P. 3–20.
13. *Kettle J.* The Architecture of the Future [Electronic resource]. URL: https://steiner.presswarehouse.com/sites/steiner/resrcs/frontm/1621480976_intro.pdf (accessed: 11.06.2019).
14. *Matsui M.* Rudolf Steiner's Design Principles and Methods for Manufacturers: Graduation Thesis. Tokio, 2010. 152 p.
15. *Moravánszky A.* The Rudolf Steiner Goetheanum [Electronic resource] // Domus. 2011. 15 Febr. URL: <https://www.domusweb.it/en/architecture/2011/02/15/the-rudolf-steiner-goetheanum.html> (accessed: 12.06.2019).
16. *Schieren J.* The scientific credibility of anthroposophy // RoSE. Research on Steiner Education. 2011. Vol. 2, № 2. P. 90–98.
17. *Steiner R.* Goethe as the Founder of a New Science of Aesthetics. L., 1922 [Electronic resource]. URL: <https://wn.rsarchive.org/Articles/GA030/English/RSPC1922/18881109p01.html> (accessed: 21.06.2019).
18. *Steiner R.* Architecture: An Introductory Reader. Rudolf Steiner Press, 2004. 288 p.
19. *Uhrmacher B.* Chapter 5: An Environment for Developing Souls: The Ideas of Rudolf Steiner // Counterpoints. 2004. Vol. 263. Pedagogy of Place: Seeing Space as Cultural Education. P. 97–120.

Статья поступила в редакцию 25.06.2019 г.